

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Фарход Хабибов

ДИВИЗИЯ ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Пограничники бывшими не бывают!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
X12

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *А. Руденко*

Хабибов, Фарход Абдурасулович.

X12 Дивизия особого назначения. Пограничники бывшими не бывают! / Фарход Хабибов. — Москва : Эксмо : Яуза, 2016. — 480 с. — (Военно-историческая фантастика).

ISBN 978-5-699-90129-6

Правду говорят: пограничники бывшими не бывают.

Если в наше время ты служил срочную на таджикско-афганской границе, то и провалившись в 1941 год, быть тебе лейтенантом Погранвойск НКВД и носить зеленую фуражку.

Вот только не рассчитывай на обычные в романах про «попаданцев» легкие и скорые победы.

Пограничнику из будущего предстоит пройти через множество мучительных смертей — от штыка в грудь, от очереди в живот, под гусеницами немецкого танка, — каждый раз «перезагружаясь» в том же теле, накапливая бесценный боевой опыт, преобразаясь в матерого фронтовика и грамотного командира «Дивизии особого назначения», которая способна изменить ход войны, деблокировав защитников Брестской крепости!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-90129-6

© Хабибов Ф.А., 2016
© ООО «Издательство «Яуза», 2016
© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

Пролог

2014 год. г. Верхняя Пышма. Андрей Нечипоренко

Народу у дома генерала Нечипоренко собралось много, даже во дворе все не вместились, многие стояли на улице. А машины почти всю улицу заняли. Дед у Андрея уважаемый человек... То есть был... Андрей никак не может привыкнуть к тому, что его деда уже нет. Генерал-майор танковых войск в отставке Александр Никитич Нечипоренко умер, и сегодня его провожают в последний путь. Все, как положено: почетный карул, военный оркестр, награды на подушечках... Только Александру Никитичу уже все равно. А Андрею?.. Этого даже сам Андрей не знает. Умом он, конечно, понимает, что его дед все эти последние почести заслужил, а вот душой... Только душу лишний раз рвут всеми этими церемониалами. Еще и родители Андрея не приехали, ведь они сами болеют. Отец, конечно, рвался, и Андрей его еле отговорил. Куда ему! Чтоб потом вторые похороны устраивать! Нет, пусть дома сидят, в своем Подмосковье, и сыну спокойнее. Ведь не мальчик он давно, сам со всем справится. Хоть и немного растерялся поначалу. Так уж вышло, что Андрей самостоятельно еще никого в этой жизни не хоронил. Ну ничего, справился. Да и военкомат, командование округа, даже из музея Боевой славы Урала помогли, ему почти ничего делать и не оставалось... Правда, они хотели хоронить генерала на мемориальном кладбище. Да внук не дал. Решил, что деду лучше будет лежать

рядом с бабушкой. Есть ли там что, после смерти, нет ли, а все равно дед бы согласился. Он и при жизни не особо все эти церемонии любил. У него соседи-то не знали, что рядом отставной генерал живет.

Когда уже могилу зарывать начали, Андрея как заело. Стоял, слушая, как комья земли по крышке гроба стучают, а в голове у него ворочалась одна мысль всего, но дурацкая-предурацкая. Не о деде думал Андрей и не о том, что его не стало, а: «Получается, что 9 Мая мне теперь поздравлять уже некого!» И стыдно было Андрею, но и мысль эту навязчивую он отогнать никак не мог..

На третий день решил Андрей вместе с сыном Артемкой разобрать дедовы вещи. Ну, какие там вещи! В основном книги, документы старые. Книжными стеллажами почти вся гостиная уставлена была, свободное место только для дивана со столом оставлено было. А в спальне у генерала письменный стол стоял, рядом — этажерка, которая, наверное, еще дедовых родителей помнила. Вот на верхней полочке этой этажерки Андрей и обнаружил альбом со старыми фотографиями. Огромный такой, в переплете из натуральной кожи с тиснением, странички калькой проложены, а на каждой странице фигурные прорезы, чтоб в них уголки фотографий заправлять. Еще в детстве Андрей у деда с бабушкой не раз гостил, и фотографии, конечно, ему показывали много раз. Видел он, конечно, разные фотографии семейства всех времен. Но этот альбом ни разу на глаза Андрею не попадался. Ведь те свои фотоснимки, которые дед показывал ему, тогда еще мелкому (да и потом), были или еще довоенными, или уже примерно с 1943 года, где дед уже был с погонами.

А этот альбом был заполнен снимками, сделанными, судя по всему, в начальный период войны. Вот генерал

(тогда еще лейтенант) на фоне сгоревшего немецкого танка с куцым стволом — дед в форме РККА тех времен, без погон, с какими-то геометрическими знаками различия на петлицах, что там у него конкретно — не разобрать. А вот дед в немецкой форме, а вокруг улыбающиеся лица его сослуживцев, причем часть из них в немецкой форме, часть — в советской, некоторые и вовсе в гражданской одежде. Но все с оружием, видимо, партизаны.

Почему Андрей никогда не видел этого альбома? Не знает никто... Ведь он в детстве каждое лето проводил в этом доме, да и потом старался почаще заезжать, особенно после того, как бабушка умерла. И Андрей наизусть знает здесь вроде бы каждую мелочь, каждую безделушку! Но этот альбом не заметил ни разу.

Присел Андрей с альбомом на краешек дедовой кровати. Сидел, медленно перелистывал, рядом Артемка сидел, сопел и внимательно рассматривал фотографии. Из начала в конец, из конца — опять в начало. Всматриваются внук и правнук генерала в лица, разглядывают детали... Отец с сыном, наверное, так часа два просидели, не меньше. И вот в какой уже раз перевернул Андрей последнюю страницу и заметил, что из-за фотографии, изображающей деда у немецкого танка со звездой на башне, торчит уголок бумажки. Причем если фотографии старые, давно пожелтевшие, с трещинками, то бумажка свежая и беленькая. Андрей вытаскивает бумажку, Артем нетерпеливо берет бумагу из рук отца и читает:

«Алексей, если ты читаешь эту записку и смотришь эти фотокарточки, значит, меня уже нет в живых. Я никогда не рассказывал тебе про начало Великой войны и хочу, чтобы ты, открыв сундук, что стоит в подполе избы, ознакомился с содержи-

мым. А дальше решиай сам, что с содержимым делать. А обо мне скорбеть не надо, я прожил долгую и насыщенную событиями и встречами жизнь. Дай бог каждому прожить столько.

*Твой дед,
советский танкист
Александр Нечиторенко».*

Артем с Андреем наперегонки спустились в подпол. Это даже не подпол, а целый подвальный этаж с окошечками под потолком! Там, кроме солений-варений бабушкиных, у деда еще и целая мастерская была оборудована. Старый сундук Андрей помнил хорошо, он там, рядом с верстаком, стоял всегда, но был постоянно заперт. Когда-то он спрашивал бабушку, что же в нем хранится, и она тогда ответила: «Да ничего, просто выбрасывать жалко, вот и убрали, чтоб не мешался». Сундук обнаружился там, где всегда и стоял. Но в замке торчал ключ. Артем быстро повернул его, затем не без труда откинул довольно-таки тяжелую крышку...

Поверх всего лежала аккуратно сложенная форма командира Красной Армии — тех самых времен, когда в РККА еще не было погон, под ней обнаружился комбез танкиста, хорошо знакомый и внуку и правнуку по фильмам о войне. А ниже вдруг оказался немецкий мундир — с дырочкой над левым карманом кителя. «С убитого немца, что ли, сняли?» Под фрицевским мундиром они обнаружили завернутый в тряпицу немецкий пистолет, весь в затвердевшей, густой смазке, жестяную коробочку с немецкими же наградами, танковый кожаный шлемофон. Такие делали только до войны, потом перешли на тканевые. На самом дне, завернутая в клеенку, лежала стопка тетрадей, судя по обложке, выпущенных еще в Германии времен гнуснопрославленного III рейха.

Андрей попросил Артема запереть сундук, а тетрадки взяли с собой. Артем по просьбе отца поставил чайник, затем оба устроились на кухне в дедово любимое кресло и начали читать, осторожно перелистывая пожелтевшие хрупкие странички, порой с трудом разбирая побледневший текст, написанный то чернилами, то карандашом. Пусть в кресле было неудобно сидеть вдвоем, но скоро неудобство было забыто, не до него было.

Самым большим шоком было то, что язык автора тетрадей оказался... ну уж очень специфичным. Со страниц тетрадок (особенно первой) на Артема и Андрея неожиданно полился обильно сдобренный «падонкаффским езыгом» лексикон-жаргон НТВ, вперемешку с ТНТ, да дешевых боевиков, выскочивших из-под пера «колычевых» или прочих, подобных им, борзописцев. Да не выражались так в середине двадцатого века! И ни отец, ни сын долго не могли понять, что это: чей-то розыгрыш, какая-то мистификация или... Но чем дальше они читали, тем язык становился культурней и приличней, да и текст перестал коробить Андрея, а Артемка сразу привык.

Спустя несколько недель после того, как я попал сюда, я решил записывать все, что со мной произошло. На эту мысль меня натолкнула чистая обшая тетрадь, обнаруженная в ранце убитого немецкого солдата. Все свои мысли, эмоции постараюсь передать максимально подробно, даже дословно, как бы нелепо ни звучала фраза о «дословности передачи мыслей». За некоторые моменты мне стыдно, но писать буду только так, как было на самом деле. Вдруг это когда-нибудь кому-нибудь пригодится. И благодаря моим запискам кто-то сможет разгадать таинственный механизм, закинувший меня в это время.

Да и мне самому эти записи крайне необходимы, потому что я уже порой сам не знаю, было ли со мной когда-либо хоть что-то «до того», была ли у меня в реальности жизнь в другом времени и с другой географией? Или же все эти воспоминания из двадцать первого века, который еще не скоро наступит и до которого я не доживу — всего лишь память о пришедшемся странном, нелепом сне.

Виталий Любимов

ГЛАВА I

«Как кур в ощи́п»

*24 июня 1941 года, где-то в Белоруссии,
в полусотне километров от границы с Польшей*

Открываю глаза, думаю: «Покемарил чуток, и баста, скоро Машундра должна подтянуться...» А вокруг какая-то хрень происходит, и не просто хрень, а гигагегатеракилохрень. Лежу я с какого-то перепугу в окопе (или то — ячейка, ну, не спец я). Короче: в земле — яма, в яме — я! Однозначно припорошен землицей... Странно, а почему не песком, я ж на пляже? Оглядываюсь тихонечко, себя осматриваю: ба! — на мне форма военная! Только вот такого фасона я точно никогда не носил... Хотя знакомая форма — по фильмам да по картинкам. Не сказать, что я к форме совсем непривычен. Когда служил на границе, у меня сперва советское х/б¹ было (причем, по-моему, рабочее, стройбатовского образца), после окончания учебки выдали «трехцветку» (так у нас камуфляж обзывали). А эта одежда, хоть и явно военная, но уж слишком непривычная, не ходил я в такой даже на маскарадах. Да и не видел живую людей в такой... ну разве что — в кино. Плюс к тому — без погон! Я-то когда-то привык, что на мне погоны зеленые, еще и с буквами «ПВ», вдобавок — шеврон на плече «ПВ РОССИИ» с триколором. Правда, с тех пор прошло много лет. Ну, как я погранцом-то на таджикско-афганской границе был. К тому же на петлицах вместо нормальных эм-

¹ Хлопчатобумажная униформа.

блем обнаружилась какая-то фигня из скрещенных на фоне кружка мишени винтовок (Блин! — ВОХРа, что ли? Видел в детстве что-то похожее на петлицах охраны заводской проходной, когда нас на экскурсию водили), плюс какие-то три параллелепипеда или как их там — параллелограмма, что ли. Да и красный цвет петлиц до этого ко мне никакого отношения не имел... То ли мент, то ли мотострелок... На рукаве какие-то желтые уголки в количестве трех штук на красном фоне... Штаны синие с кантом, вместо берцев — сапоги... Сапоги, правда, качественные, не кирза. Яловые или хромовые, под слоем пыли не понять. Португеза офицерская, на ремне пряжка непривычной конфигурации, хоть и со звездой, кобура непривычной формы... Бред да и только!

Та-а-ак... А что так-то, коли все не так?! — как говаривал Евгений Гришковец (а кто это?)... А что у нас вокруг? Рядом человек в такой же форме лежит... Бля! — он же мертвый! Да и нижней половины тела нет!.. Вот так вот просто: ниже пояса человека нет, только что-то землей присыпанное, с землей перемешанное, тускло поблескивает, жидким сочится. Бр-р! — у меня глюки! Тут слышу, кто-то что-то непонятное говорит, причем звук, не только как будто у меня беруши вставлены, а еще и какой-то... во-во! — порнофильмовский. Ну да, точно — по-немецки гуторят. Приподнялся чуток, высунулся из ямки, оглядываюсь: двое типов в классическом гитлеровском прикиде из фильмов. Смотрю на них с интересом: блин, реконструкторы, что ли? Вот психи! Какого хрена немцев в Таджикистане реконструировать? Ну я б еще понял реконструкцию боев с басмачами (с татаро-монголами какими, на крайняк).

И тут в мою бедную башку паровым молотом лупит мысль: «Вокруг моря нет, да и лес рядом, и кусты вокруг, и все тут какое-то подозрительно нетаджикское!» Да

ни херадзе себе, чего-то я наш пляж вообще не узнаю! А за это время типусы, прикинутые в немецкое, подходят ближе и, лопоча на своем, чего-то мне говорят:

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым.

Во! В роль вошли, заигрались!

— Хоре, пацаны кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски чего-нибудь скажете?

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым...

— Пацаны, хватит выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет. Что происходит, где я, кто вы?

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым... — произнося эту нечленораздельную (фу, какое некрасивое слово!) фразу, немецприкинутый эдак непринужденно берет свою ружбайку, передергивает затвор и стреляет в меня. Пуля попадает в голову. Бо-о-ольно же! И я даже чувствую, как разлетаются осколки черепушки, и мой несчастный мозг так и брызжет в стороны... Я что — умер?

Темнота!.. И тут же свет!..

Черт побери, я снова жив? Или меня никто и не убивал? Во, блин, солнышком головушку напекло! Щупаю дырку во лбу. Оп-па! А ее-то и нету! Что за дела?!

Опять доносится какая-то чепуха, похожая на немецкий язык... Что, все сначала?!

— Хоре, пацаны кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски скажете?

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым...

— Пацаны, да хватит уже выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет! Что происходит, где я, кто вы?!

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым... — произнося эту нечленораздельную фразу, одетый в фашиста мужик опять снимает свою ружбайку с плеча, снова передергивает затвор и снова стреляет в меня.

Мне показалось, или это со мной уже было? Опять мощная пуля пробивает мне на фиг черепушку и разносит на брызги мозг... Бо-о-о-о-ольно же!!!

Темнота!.. И тут же снова свет!..

Перемотка! Черт побери! Я снова жив?!! Это что, компьютерная игра и я, так сказать, засейвился и сохранил прогресс?! Ну, бре-е-ед!!!

Щупаю лоб, затылок: дырок нет! А тогда откуда мозги брызгали?! А как же кровь, залившая глаза?! Я ЭТО чувствовал!!! Это что за «Каунтер-Страйк»?! Блин, в жизни наркотики не пробовал!.. Может, мне их подкинули в овсянку, что я лопал на завтрак? Есть же какие-то наркодилеры, которые так вот, по-хитрому, подсаживают! Не так давно в инете читал про что-то подобное. Неужели влип?!

А «оно» не унимается:

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым...

И меня, как «заело» на одном, ничего другого сказать не могу:

— Хоре, пацаны, кино мочить, че за херня происходит? Может, уже по-русски скажете?

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым...

— Пацаны, хватит выеживаться! Я ж могу и в тыкву дать, да так, что голова в трусы провалится и памперс не поможет. Что происходит, где я, кто вы?

— Грым-брым-брым-ферфлюхтер-русише-швайне-брым-грым-брым... — произнося эту нечленораздельную фразу (она меня уже не напрягает), немцепри-

кинутый эдак непринужденно берет свою ружбайку, поудобней.

Блин! Опять же убьют!.. Не, ребята, надо что-то делать... Делаю милое доброе лицо. «Немцу это, видимо, нравится. И он лениво так, всего лишь — хрясь! — мне по башке. И взрыв мозга на фиг! Не знаю, что большее было, пуля или приклад! Все! Что ли, опять убили меня?! Два раза меня убили выстрелом, а на третий обошлись прикладом?! Охренеть!..

Темнота... свет...

Что-то вжикнуло, и, блин, опять немец ружжом замахивается. Это что, включили опцию «повтор понравившегося зрителям кадра»? А кто зрители-то?! Мама! Опять на голову опускается приклад проклятого карамульгука! И снова адцкая боль!.. Да что это со мной?! Да где же это я?! Вспышка... Я умер... Темнота... Вспышка... Снова немец с занесенным прикладом... Да сколько ж можно?! Приклад летит к моей дыне с огромной скоростью и силой, а у меня успевает сверкнуть мысль: «День сурка»???¹

Точно! Видимо, как и герой того фильма, я что-то должен сделать, чтобы остановить этот одноместный конвейер смерти!..

Не-а, не успеваю! Опять убили... в какой уж раз... Вжик... Вспышка... Вжик... Вспышка... Может, мне голову чуть отодвинуть? Не пойму, когда и где, но я отдвигаю ее вправо... Вжик... Убили... Темнота... Вспышка... Вжик... Убили... Темнота... Вспышка... Блин! Надо было голову влево сдвигать! Вроде где-то сдвигаю... Бам-м!!! Больно, сука!

Хоть что-то изменилось! Потому что жив, и доказательством тому в глазах заплясали не то чтобы звезд

¹ Название голливудского фильма, где главный герой застревает в одном дне, во втором февраля.